

The background of the entire page is a photograph of a subway tunnel. The walls are covered in blue and grey tiles arranged in a geometric pattern. The floor is dark with white lines marking the tracks. At the end of the tunnel, there is a bright light source, possibly an exit or a station platform. A few people are visible in the distance, walking towards the light.

ЕВГЕНИЙ ТРИМОРУК

МЕТРОНАЛЬДС

ДРУГАЯ ГЛАВА

Евгений Триморук

Метрональдс. Другая глава

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34330729
ISBN 9785449096869*

Аннотация

В многомиллионном Метрональдсе парадоксально легко затеряться. В погоне за детской мечтой и летучим счастьем, за капризным успехом и тяжеловесными иллюзиями порой забываем, что можно попросту, даже в бытовой суматохе рабочих будней и названных выходных, оглядеться. Иногда очевидная остановка меняет деталь, угол зрения, язык. Вот и герои Метрональдса в сырых нотках мрачного романтизма, приправленного полутонами эстетства, ищут опору, собственно, как и многие из нас.

Содержание

МЕТРОНАЛЬДС

5

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Метрональдс

Другая глава

Евгений Триморук

Автор: Евгений Триморук

Почта: trener200686@mail.ru

© Евгений Триморук, 2018

ISBN 978-5-4490-9686-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕТРОНАЛЬДС

Другая глава

* * *

И вдруг устанешь от нытья
Религий, регентов, регалий.
От оправданий.
По пятницам – от пьяни, —
без друга-дяди-дряни,
подруги-врани-рвани,
супруги-тёти-няни;
По вечерам —
от брани, от братаний;
преданий, праздности, прощаний;
С утра – к полудню – рано;
В шесть понедельника
без опозданий, —
и в холостую, – на трое суток.

* * *

Сегодня позвонил отцу
Впервые без гвоздя причины.
Всего лишь. Помня, не к лицу
Казаться вечно молодчиной.

Я слушал, зная наперед

Его предлоги и повторы;
Какой сейчас исправит год,
И что не выговорит скоро.

В моем кармане сотни две.
Я бросил пить и снова начал.
Я мог жениться на вдове,
И жить: естественно, по-псачьи.

Отец расскажет, кто подрос,
Кто приезжал, кто ждет, кто умер...
По кальке вызревших волос
Он проведет рукою бурой.

Я не звонил сто зим другой.
В любви не признавался вовсе.
И над зачумленной строкой
Бьюсь в ностальгическом позёрстве.

Он перечтёт свою семью,
Гомер, утративший часть клина.
Мне на сегодня ни к чему
Казаться, что я тоже сильный.

* * *

Привычка настолько сильна
Что закуриваю в метро.
В комнате – у окна.
Из-за пороха ноет спина.

Выдыхаю дым на стекло.
Разговариваю с потолком.
Тишина поглотила нутро.

Не сплю третьи сутки подряд.
Наплевать. Хотелось давно.
Иначе нарушается ряд.
Приходится сызнова начинать,
Вспоминать. Повторять. Но
Тем больше тебе все равно.
Ведь случилось вчера. Значит, сон.

Сам себе пациент и врач.
Без рецепта, лекарства, койки.
Убийца и жертва. Смех и плач.
Без тайм-аута долгий матч.
Тень, любящая подворотни.
Собирающий по осколкам
Дни. Не любивший нисколько.

* * *

Когда выходишь из больницы
Край дьявольски-адамовен.
Без предисловий, без транскрипций,
Без ярлыков объявленных.
Домой. Неспешный. Своевольный.
Скользя тропой глинистой,
Держась на поступи условной,
В дожде позаковыристей;

Тебе расплачиваться нечем
В потоке неразборчивом.
И небо выражает вчерне
Строку огней опроченных.

* * *

Меня любили. Я любил
Казалось, не имею права,
За то, что как-то как бы жил,
Вступая с миром в бой неравный.
Борьба шла в зеркале теней:
В изврате, в косности, в аборте,
Когда не знаешь степеней
Преображений, взлетов, борта.
Как быть вне уровня пустот.
Как преломлять песочный камень
Когда ты не постиг высот,
Меняя ракурсы местами.

Я рос без логики, и с ней.
Не ел, не спал по трое суток.
Желал двух пьяненьких в постель
Брюнеток. Честных проституток.
Хотел учиться наравне.
И шиковать, как в сериалах.
Чтоб уважал миллионер,
Тем создавая мне рекламу.

Я ведь мечтал. И жил мечтой.

И содрогался в коридоре —
Боялся темноты. И с той,
Что танцевала, ехал к морю.
Простой пейзаж. Пустынный пляж.
И бег навстречу. — Морикконе
За кадром. — Дубль. Съемка. Марш.
И в центре остаются двое.

И, задыхаясь по утрам,
Вновь пил без просыху таблетки.
И целовал по вечерам,
Не двух, но все-таки брюнетку,
Не различая в ней лица.
И замерзал. И шел по снегу.
Смеялся в роли подлеца,
И презирал в душе соседа.
(В глаза мы вроде бы друзья).
Но, избавляясь от напраслин,
Что шел впустую, верил зря,
Я знаю, в жизни больше счастья.

* * *

Никогда не хотел учиться
Никогда не хотел взрослеть.
Собирать гроши в чайвницу,
И в размен отдавая нерв.
Сочинять на ходу синопсис,
Не нащупав карандаша.
Ставить ровно галочку-подпись

По указке пальца-ужа.

Никогда не хотел пытаться.
Никогда не хотел нудить.
Быть похожим на иностранца,
Проставляющий суффикс над «ить»;
Повторять в сотый раз ошибки,
Проспрягав чей-то жест и ложь;
И с уверенною улыбкой
Ты вонзил бы любому нож.

Никогда не хотел вернуться.
Никогда не хотел бежать.
Подчиняться дурному вкусу.
Попивая остывший чай.
Заостенно подслушать Пруста, —
Коридорные голоса.
(Про бюджет, холодильник, люстру
В двоеточия на часах).

Никогда не хотел вживаться.
Никогда не хотел прослыть
Алкоголиком и скитальцем,
И нести проходной ярлык.
И вести за собой породу,
Обозначив себя извне.
Не хотел, ко всему готовый,
Привыкая к моей стене.

* * *

За окном – жизнь
За стеной – шум.
Кто-то купил рысь.
Кто-то закрыл трюм.

Под потолком – нить.
В кипятке – мёд.
Где-то проплыл кит.
Где-то прошел год.

На столе – пыль.
От стекла – блеск.
Я ушел в ил.
Я ещё здесь.

* * *

Как сладко подлецу среди людей
Раскрепостившись, ладно улыбаться,
Вслух измерять синонимы вещей,
Не убоявшись смысловых кастраций.

Позвать подругу важно на обед.
Ей тридцать лет. И малолетку после,
И закулив, как дав ангажемент,
Вкусать их крик в замысловатой позе.

Перевернуться к стенке, пробубнить,
Не поднося в постель ни чай, ни кофе,

И рифмы исключительно на «ить»
В дальнейшем ударяются о полдень.

Заговорить на разных языках,
Что вдруг не спит по стадному сопенью,
Что плюнул в спину рослой и в очках,
Чем стала та намного хорошее.

Что кинул камень, как бычок, в авто,
Приметив перстень с челюстью волчары:
В окно попав, метнулся наутек,
Как трус, как падаль, собственно, как надо.

Запел в метро. В час ночи. В шесть утра.
Признался незнакомке, что он сволочь,
И что согласен он, et cetëra,
Хлебнуть пощечину, как доморальный донор.

Шепнул ЗавУп, что тот по сути, гей,
Что есть приметы, множество намеков,
Что менеджер с фамилией на «фрейд»,
Быть может, с ним, по-сучьему, не против.

Признался «другу», что его жена
Ничуть не хуже дев из Апулея.
Лишь пожалев, что та с плевром спина
Шла от него, как мило, к мавзолею.

Не горевать. Не думать. Не зевать.

Уволиться на раз. И тараканы-гады
На кухне презируют подлеца
За то, что отравил их шутки ради.

И яд не выпить. Жаб не облизать.
И выдумать больное лукоморье,
Куда несешься на воздушных парусах,
Пульт прижимая к изголовью.

* * *

Я буду взирать исподлобья
Готовый, очнувшись, упасть.
Как дышит мое сословье,
Или хотя бы часть.
Застывший, заслонный, жатый,
Усталый, согласный испить.
Я вдруг прикрываю чашу,
Ее посторонний вид.

Окаменный, оледенелый,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.